

**Председателю Следственного комитета при
прокуратуре РФ
Бастрыкину Александру Ивановичу**

Адвокатов:

- 1. Купрейченко Сергея Владимировича,**
 - 2. Сапожкова Игоря Юрьевича,**
- осуществляющих в установленном законом
порядке защиту
Лебедева Платона Леонидовича

на постановление от 21 марта 2008 года следователя
Алышева В.Н., осуществляющего производство
предварительного следствия по уголовному делу
№18/432766-07 в отношении Ходорковского М.Б., Лебедева
П.Л. и бездействие руководителя следственного органа
Ковраева С.Б.

ЖАЛОБА

в порядке ст.124 УПК РФ

I

18 марта 2008 года в связи с многочисленными, систематическими и грубыми ошибками в «переводах» Зуевой Анастасии Николаевны, приобщенных к материалам уголовного дела №18/432766-07, моим подзащитным заявлен повторный отвод данному переводчику.

В своем повторном отводе Лебедев П.Л. подчеркивал тенденциозный характер допущенных в переводах Зуевой А.Н. грубых искажений, которые исключают возможность получения судом и другими участниками уголовного судопроизводства достоверной информации об истинном содержании приобщенных к материалам дела документов на английском языке. Допущенные назначенным следствием переводчиком Зуевой А.Н. искажения создают суду препятствия для непосредственного исследования имеющихся в материалах уголовного дела доказательств, особенно в свете положений статьи 18 УПК РФ.

Но вопреки тому обстоятельству, что в заявленном 18.03.2008 моим подзащитным переводчику Зуевой А.Н. повторном отводе приводились факты, неопровержимо свидетельствующие о полной ее некомпетентности и недобросовестности и наличии у нее явной заинтересованности в

систематическом изготовлении сфальсифицированных переводов, постановлением следователя Алышева В.Н. от 21 марта 2008 года в удовлетворении отвода было отказано.

Согласно части 1 статьи 59 УПК РФ, «переводчик - лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных УПК РФ, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода».

В силу пункта 1 части 3 статьи 59 УПК РФ, в целях уточнения перевода переводчик вправе задавать вопросы участникам уголовного судопроизводства». Однако, несмотря на то, что лицо, претендующее на знание иностранного языка на профессиональном уровне должно быть способно отличить сочетание слов от устоявшегося выражения, переводчик Зуева А.Н. ни разу не реализовала предоставленное ей законом и разъясненное следствием полномочие, т.е. попыток осуществить действительно точный и достоверный перевод даже не предпринимала. Именно по этой причине в переведенных Зуевой документах устоявшееся выражение *«on the arm length basis»* переводится как *«заклучены формально»¹*.

На самом деле, выражение *«on the arm length basis»* переводится как: «на рыночных условиях» («на расстоянии вытянутой руки»). Причем, об этом было достоверно известно даже вынесшему обжалуемое процессуальное решение следователю Алышеву, который на листах 47-48 своего постановления от 24.12.2007 каким-то образом, очевидно, без помощи переводчика Зуевой, перевел данное выражение (общеизвестное в бизнесе) правильно.

Подобный неправильный перевод мог быть осуществлен только при условии полной некомпетентности переводчика в области терминологии, используемой в деловом английском языке. Однако даже при этом, Зуева, якобы, свободно владеющая английским языком, и просто в силу данного обстоятельства понимавшая, что данное выражение не могло быть переведено дословно, не посчитала нужным установить, что же в действительности означает данное выражение в английском языке.

Обращает на себя внимание также и то обстоятельство, что многие грубые ошибки и искажения, содержащиеся в переводах авторства Зуевой, носят *обвинительный* уклон, создают условие для привлечения невинного Лебедева к уголовной ответственности за преступления, которых он не совершал. Например, помимо «выдуманных» Зуевой, видимо из солидарности с Каримовым, *«формально»* заключенных сделок, указанный переводчик посчитал возможным перевести 368 000 000 рублей как

¹См.: т.99 л.д.134, 137 уголовного дела №18/432766-07.

368 000 000 долларов США², а название иностранной компании «*Yukos Brokerage*» как, якобы, совершенные «*брокерские операции Yukosa*»³.

Вне зависимости от того, случайно или намеренно в переводах Зуевой были допущены столь грубые ошибки, стремилась ли она «поспособствовать» незаконному обвинению Лебедева П.Л. и Ходорковского М.Б., или просто рассчитывала дискредитировать их в глазах широкой общественности, подготовленные Зуевой переводы, являются недостоверными. Указанные переводы не соответствуют стандартам документов уголовного судопроизводства. Некомпетентность переводчика Зуевой – очевидна. Процессуальная деятельность переводчика Зуевой не решает поставленных перед ней задач, поскольку она не позволяет ни следствию, ни суду, осуществлять уголовное судопроизводство на русском языке в порядке ст.18 УПК РФ, получая объективную информацию о содержании документов на иностранном языке.

II

2.1. Однако оставляя все перечисленные в отводе от 18 марта 2008 года обстоятельства без объективной оценки, следователь Алышев в обоснование обжалуемого постановления от 21 марта 2008 года заявил, что «*неточности перевода ряда фраз их документом на английском языке не являются основанием для отвода*», поскольку, якобы,

«сугубо профессиональное использование ряда иностранных терминов в своей сфере деятельности лицами, занимающимися этой деятельностью, не предполагает всеобщее знание такой специфики и соответственно знание об этом переводчика».

Данный довод является абсолютно несостоятельным не только в свете того, что такое устоявшееся выражение как «*on the arm length basis*» нигде, кроме **делового** английского языка больше не используется и каких либо интерпретаций, отличных от единственно верного значения, иметь не может. Дело в том, что переводчик в уголовном процессе участвует именно для того, чтобы восполнить незнание иностранного языка иными участниками процесса. Поэтому в том случае, если познания переводчика в области английского языка недостаточны для решения этой задачи, его перевод является **некомпетентным**. Поэтому основанный на софистике довод следователя, который сводится к тому, что переводчик Зуева, якобы, не обязана знать и правильно переводить иностранные термины и устоявшиеся выражения не может являться законным основанием для отказа в удовлетворении заявленного переводчику Зуевой отвода.

Более того, обращение «*Dear Martha*» не является «*сугубо профессиональным иностранным термином*». Это, однако, не помешало

²См.: т.149, л.д.331, 334 уголовного дела №18/432766-07.

³См.: т.99, л.д.196, л.д.201 уголовного дела №18/432766-07.

переводчику Зуевой поменять его на «*Уважаемые господа*» [на самом деле - Уважаемая Марта]⁴. О данном факте следователь Алышев в обжалуемом постановлении предпочитает не упоминать. Аналогичным образом, якобы, свободно владеющая английским языком Зуева выражение «*on the date hereof*» сумела перевести как «на **число**, указанное в документе»⁵, хотя правильный, более точный, перевод – «на указанную выше **дату**».

Эти, а также многие другие упомянутые в отводе, заявленном переводчику Зуевой, обстоятельства свидетельствовали о том, что указанный «участник уголовного судопроизводства» не способен переводить не только «сугубо профессиональные», но и общеизвестные слова и выражения английского языка, что и является доказательством некомпетентности переводчика [полный текст заявленного отвода прилагается]. Но эти доводы в постановлении следователя Алышева от 21 марта 2008 года даже не проанализированы. Их существования следователь Алышев словно бы вообще не заметил.

2.2. Обосновывая свой отказ в удовлетворении отвода переводчику Зуевой, следователь Алышев также утверждает, что

«ошибки в цифрах не могут свидетельствовать о некомпетентности переводчика, так как предметом перевода является иностранный текст, а не цифры, которые при необходимости могут быть проверены в оригинале на иностранном языке».

Это заявление следователя Алышева также не может рассматриваться как основание для отказа в заявленном переводчику Зуевой отводе, поскольку предметом перевода по смыслу действующего уголовно-процессуального законодательства вопреки утверждениям следователя Алышева является не некие фрагменты иностранного текста, а документ на иностранном языке. Любому профессиональному юристу очевидно: фрагменты текста документа на иностранном языке не могут рассматриваться вне контекста содержащихся в том же документе дат и цифр. Более того, следователем Алышевым не поясняется на основании какой нормы права, осуществляющие уголовное судопроизводство на русском языке суд и следствие, должны исследовать документы на иностранном языке с целью проверки информации, содержащейся в переводах Зуевой. Английский язык не является государственным языком ни одной из входящих в Российскую Федерацию республик, поэтому, ни следствие, ни суд [который вообще не обязан владеть английским языком даже на бытовом уровне], не уполномочены вникать в содержание документов на иностранном языке. Точно и достоверно передать содержание этих документов – процессуальная обязанность иного участника уголовного процесса - переводчика. Ни при каких обстоятельствах не может считаться

⁴ См.: т.99 л.д.56, 57 уголовного дела №18/432766-07.

⁵ См.: т.99 л.д.144, 145 уголовного дела №18/432766-07.

достоверным перевод иностранных документов, содержащий абсурдные ошибки (или намеренные искажения) в цифрах, тем более грубые, многочисленные и существенные.

Кроме того, по мнению кандидата юридических наук, судьи Верховного Суда РФ, секретаря Пленума Верховного Суда РФ, заслуженного юриста России,

«Знание судьей, прокурором, следователем, дознавателем языка, на котором может давать показания допрашиваемое лицо, не владеющее или недостаточно владеющее языком судопроизводства, не освобождает их от обязанности обеспечить этому лицу возможность пользоваться помощью переводчика. Иными словами, указанные должностные лица не вправе совмещать свои полномочия с полномочиями переводчика»⁶.

Однако вышеупомянутый довод следователя Алышева вынуждает защиту еще раз обратить внимание руководителя следственного органа на допущенные Зуевой «ошибки в цифрах», являющиеся образцом халатного отношения некомпетентного переводчика к своей работе.

Так, наряду с уже упоминавшейся «конвертацией» 368 миллионов рублей в 368 миллионов долларов США, переводчик Зуева сделала феноменальное «открытие», что одна и та же дата - «**Dec.28, 2000**», может переводиться одновременно как:

1. и «**29 декабря 2000**» (см. т.149, л.333-334 - №2);
2. и «**30 декабря 2000**» (там же - №3);
3. и «**31 декабря 2000**» (там же - №4);
4. и даже как «**32 декабря 2000**» (там же - №5);
5. и даже как «**33 декабря 2000**» (там же - №6);
6. и даже как «**34 декабря 2000**» (там же - №7);
7. и даже как «**35 декабря 2000**» (там же - №8);
8. и даже как «**36 декабря 2000**» (там же - №9);
9. и даже как «**37 декабря 2000**» (там же - №10);
10. и даже как «**38 декабря 2000**» (там же - №11).

Защита не считает необходимым выдвигать какие-либо гипотезы о том, в каком состоянии сознания нужно находиться для того, чтобы добиться подобного результата. Однако неспособность переводчика обеспечить достоверность информации, содержащейся в ее переводах очевидна. Остается загадкой, как такое лицо вообще могло быть допущено до участия в уголовном судопроизводстве. Защите страшно осознавать, что на основании

⁶ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации/Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. - 2-е изд., перераб. и доп. - Юристъ, 2004 г., комм. к ст.69 УПК РФ.

именно таких документов Ходорковский М.Б. и Лебедев П.Л. привлекаются к **уголовной** ответственности!

Лишено здравого смысла и заявление следователя Алышева В.Н. о том, что *«ошибочное написание (опечатки) в переводе ряда цифр не нарушает право обвиняемого на защиту и устранено при обращении к оригиналу документа на иностранном языке»*.

Во-первых, никто, даже следователь Алышев, не способен *«устранить ошибочное написание в переводе ряда цифр»* путем *«обращения к оригиналу документа на иностранном языке»*! Для этого требуется как минимум повторный перевод *«переведенных»* Зуевой документов, осуществленный компетентным и добросовестным переводчиком. И то обстоятельство, что сам Лебедев узнал о наличии в *«переводах»* Зуевой грубых и тенденциозных ошибок никак не может восстановить его право на защиту, поскольку в материалах уголовного дела №18/432766-07 по-прежнему содержатся пародии на переводы – т.н. *«продукты»* авторства Зуевой и альтернатива им отсутствует.

2.3. Пытаясь оправдать действия некомпетентного переводчика Зуевой, следователь Алышев В.Н. на странице 2 своего постановления утверждает, что мнение Лебедева П.Л. о наличии заинтересованности переводчика Зуевой А.Н. в исходе дела носит *«субъективный характер, не имеет причинно-следственной связи с наличием заинтересованности в исходе дела»*.

Однако данное утверждение не может рассматриваться как основание для отказа в удовлетворении заявленного переводчику Зуевой отвода. Переводчик Зуева должна быть отведена от участия в уголовном деле вне зависимости от наличия или отсутствия умысла в ее действиях.

Согласно части 2 статьи 69 УПК РФ, *«при наличии обстоятельств, предусмотренных [статьей 61](#) УПК РФ, отвод переводчику может быть заявлен сторонами, а в случае обнаружения некомпетентности переводчика - также свидетелем, экспертом или специалистом»*.

Таким образом, **«помимо обстоятельств, предусмотренных ст.61 УПК, переводчик подлежит отводу также в случае обнаружения его некомпетентности»**.

Отвод по данному основанию ему может быть заявлен не только сторонами процесса, но и теми участниками, чье появление в деле обусловлено нуждами доказывания, в частности, свидетелем, экспертом или специалистом»⁷.

⁷ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (отв. ред. В.И. Радченко; научн. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков). - 2-е изд., перераб. и доп. - "Юрайт-Издат", 2006 г., комм. к ст.69 УПК РФ.

При этом, «некомпетентность переводчика может заключаться, например, в недостаточном знании терминологии судопроизводства, а также языка, на котором изъясняются участники процесса и т.п.»⁸.

*«Добросовестное выполнение переводчиком своих процессуальных функций, его объективность и беспристрастность являются необходимыми условиями обеспечения прав участников процесса»*⁹.

«Некомпетентность переводчика может заключаться в том, что он несвободно владеет языком, на котором ведется процесс, - языком вообще или диалектом, на котором говорит лицо, участвующее в деле, либо на котором составлен тот или иной документ»¹⁰.

Изложенное подтверждает, что **главным основанием** для отвода переводчика Зуевой является **именно ее некомпетентность**, а не только ее возможная заинтересованность в исходе дела [прямая или косвенная], наличие которой пытается опровергнуть следователь Алышев. Платон Леонидович Лебедев пока не обвиняет переводчика Зуеву в совершении уголовного преступления, поскольку уровень ее невежества и некомпетентности¹¹ позволяет усомниться в возможности наличия у нее реального умысла на его совершение (скорее всего – имеется халатность, легкомыслие, небрежность и т.п.), однако действия данного переводчика вне всяких сомнений могут повлечь за собой общественно опасные последствия в форме привлечения невиновного к уголовной ответственности.

Переводчик, по мнению которого «под определением **«Продукты»** понимаются **страны** [?!] **Европы, Америки, Азии и Африки»**¹², а словосочетание «was not unreasonable» [была не необдуманной] переводится как «была необдуманной»¹³ [?!], **не может считаться компетентным и должен быть отведен от участия в уголовном процессе.**

Кроме того, указанные выше примеры свидетельствуют о существенном характере, допущенных переводчиком искажений – информация, указанная в переводах искажается настолько, что становится **прямо противоположной** по смыслу данным, содержащимся в первоисточниках на английском языке.

⁸Там же.

⁹Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) под общей ред. первого заместителя Председателя Верховного Суда РФ, заслуженного юриста РФ, кандидата юридических наук, доцента В.И.Радченко, 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юстицинформ, 2004, комм. к ст.69 УПК РФ.

¹⁰ Там же.

¹¹ Переводчик Зуева (при переводе с английского на русский) даже не смогла определить, как правильно переводится английское слово **«amount»** - «сумма» (см. том 99, л.д.23, 29, 183, 193 и т.д.) или «размер» (см., например, том 99 л.д.21, 27, 31, 59 и т.д.), что в очередной раз свидетельствует о ее низкой профессиональной квалификации.

¹² См.: т.122 л.д.149 уголовного дела №18/432766-07.

¹³ См.: т.99 л.д.195, 200 уголовного дела №18/432766-07.

Примечательно, что некомпетентный переводчик Зуева Анастасия Николаевна назначена постановлением осуществлявшего ранее производство по уголовному делу №18/432766-07 следователя С.К. Каримова¹⁴, т.е. неоднократно скомпрометировавшего себя грубыми нарушениями закона должностного лица, в отношении которого моим подзащитным неоднократно делались заявления в порядке статьи 141 УПК РФ, а судами неоднократно признавались его действия и решения незаконными и необоснованными.

2.4. Приведенный в заявленном Лебедевым П.Л. переводчику Зуевой А.Н. отводе и настоящей жалобе перечень допущенных ею искажений и грубых ошибок не является исчерпывающим.

В процессе ознакомления с материалами уголовного дела №18/432766-07 Лебедевым и его защитниками вскрыто много иных примеров некомпетентности и недобросовестности переводчика Зуевой.

Например, на листах 99-101 тома 113 указанного уголовного дела имеется копия доверенности компании «TEMERAIN ENTERPRISES LIMITED» (на английском языке), однако усилиями А.Н. Зуевой в русскоязычном переводе этот документ «превращен» в доверенность совершенно другой компании - «Кайард Энтерпрайзес Лимитед» (см. т.113, л.д.102), да еще «заверенную» печатью третьей компании – «Кинкейд Энтерпрайзес Лимитед» (см. т.113, л.д.103)!!!

Таким образом, перевода на русский язык копии доверенности «TEMERAIN ENTERPRISES LIMITED» (на английском языке) в материалах уголовного дела №18/432766-07 нет, а есть **признаки фальсификации доказательств.**

Подобные действия переводчика Зуевой вводят в заблуждение следствие, суд и защиту, которые как уже отмечалось ранее, не только не обязаны, но и не вправе самостоятельно исполнять функции переводчиков при осуществлении процессуальной деятельности.

Грубые искажения и ошибки, допущенные переводчиком Зуевой, бросают тень и на следствие, допустившее такого переводчика до участия в уголовном судопроизводстве, приобщившее к материалам уголовного дела №18/432766-07 переводы беспрецедентно низкого качества и не принявшее своевременных мер к ее отводу по причине некомпетентности.

Платон Леонидович Лебедев и его защита не считают необходимым приводить иные примеры грубых ошибок и искажений, допущенных Зуевой при исполнении своих профессиональных обязанностей, однако они в материалах уголовного дела №18/432766-07 наличествуют в избытке. Доводы, содержащиеся в заявленном Лебедевым П.Л. 18 марта 2008 года отводе, создавали безусловные основания для отвода переводчика Зуевой,

¹⁴ См. постановление от 16 января 2007 года по уголовному делу №18/41-03 [т.110 л.д.240 уголовного дела №18/432766-07].

вследствие чего постановление следователя Алышева от 21 марта 2008 года является незаконным и необоснованным.

Перечисленные в настоящей жалобе, а также прилагающемся отводе от 18 марта 2008 года обстоятельства в своей совокупности являются неопровержимым доказательством некомпетентности переводчика Зуевой, необходимости ее немедленного отвода по основанию, предусмотренному статьей 69 УПК РФ, и осуществлению повторного перевода всех подготовленных ею документов.

2.4. Содержащийся странице 2 Постановления довод следователя Алышева В.Н. о том, что *«Лебедевым П.Л. и его защитой в подготовленных ими документах допускались ошибки, о чем свидетельствует его заявление в протоколе выполнения требований ст.217 УПК РФ от 15.02.2008»* не имеет юридического значения, не относится к предмету заявленного отвода и является негодной попыткой следствия создать «дымовую завесу».

Вместе с тем, некоторые опечатки, описки и технические ошибки в документах стороны защиты Лебедева, обнаруженные и устраненные непосредственно ею же, свидетельствуют о добросовестности, как Лебедева, так и его защиты.

В отличие от Алышева, сторона защиты Лебедева, не утверждает, например, что в выполненных Зуевой переводах:

«...переводимая информация на иностранном языке была передана точно и достоверно» [!!!?], как это сделал Алышев в обжалуемом постановлении от 21.03.2008.

Вышеперечисленные обстоятельства в своей совокупности свидетельствуют о полной незаконности обжалуемого постановления следователя Алышева. Вместе с тем, защита не может не отметить, что вынесение следователем столь необоснованного постановления об отказе в отводе переводчика, некомпетентность которого очевидна, стало возможным, в том числе и благодаря занятой Заместителем руководителя управления по расследованию особо важных дел Ковраевым С.Б. позиции полной толерантности по отношению к грубым процессуальным нарушениям, допускаемым следствием по уголовному делу №18/432766-07.

Обладая процессуальным статусом руководителя следственного органа, Ковраев имел широкий круг полномочий по обеспечению законности уголовного судопроизводства.

Как руководитель следственного органа Ковраев был не только вправе, но обязан *«проверять материалы уголовного дела, отменять незаконные или необоснованные постановления следователя»; «давать следователю указания о направлении расследования»; «отстранять следователя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ» (ст.39 УПК РФ).*

Однако в ситуации, когда процессуальное реагирование Ковраева который, как видно из материалов уголовного дела №18/432766-07, контролирует практически все процессуальные действия следователя Алышева (в т.ч. и согласовывая его решения), явилось бы совершенно естественным и очевидным, Ковраев нарушения следователя Алышева предпочел «не заметить», мер к немедленному отводу некомпетентного переводчика не предпринял. В этой связи необходимо подчеркнуть, что заявленный следователю Алышеву 18 апреля 2008 года защитой Лебедева П.Л. отвод свидетельствует и о бездействии Ковраева как руководителя следственного органа, поскольку именно им были проигнорированы все допущенные следствием процессуальные нарушения. Подобное бездействие, однако, не мешает ему принимать активное участие в вынесении необоснованных постановлений об отказе в заявленных Лебедевым П.Л. ходатайств под надуманными предлогами. Важно также и то, что Ковраев, систематически ссылающийся на «*всестороннее изучение материалов*» уголовного дела №18/432766-07, не мог не знать об обоснованности аргументов Лебедева, содержащихся в отводах, заявленных некомпетентному и недобросовестному переводчику Зуевой.

Принимая во внимание указанные обстоятельства, на основании ст.ст.18, 61, 62, 69, 124 УПК РФ,

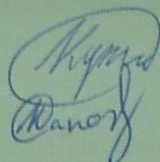
ПРОСИМ:

- 1) Постановление следователя Алышева В.Н. от 21 марта 2008 года признать незаконным и отменить.
- 2) Бездействие заместителя руководителя управления по расследованию особо важных дел Ковраева С.Б. по игнорированию незаконного постановления следователя Алышева В.Н. от 21 марта 2008 года и непринятию мер к отводу некомпетентного переводчика Зуевой А.Н. признать незаконным.
- 3) Принять меры к:
 - немедленному отводу переводчика Зуевой А.Н.
 - повторному переводу компетентным переводчиком всех переведенных Зуевой А.Н. и приобщенных к материалам уголовного дела №18/432766-07 документов.

Приложение:

1. Заявление Лебедева П.Л. об отводе переводчика Зуевой А.Н. от 18 марта 2008 года;
2. Постановление следователя Алышева В.Н. от 21 марта 2008 года об отказе в удовлетворении ходатайства.

Адвокаты:



Купрейченко С.В.

Сапожков И.Ю.

13 мая 2008 года

*Исполнено 13.05.2008г.
Следователь Машин С.А. Малозанов*